

И. И. АШМАРИН

Надпрофессиональные смыслы гуманитарной экспертизы

Понимание целей и задач гуманитарной экспертизы всегда осложнено достаточно простыми толкованиями компонентов этого вербального конструкта. Гуманитарность уже и в обычном сознании ассоциируется не только с гуманитарной помощью, но и с вполне определенным классом наук и социальных проблем. А само понятие экспертизы внятно каждому, поскольку практика привлечения специалистов для оценки какой-либо ситуации, ее последствий, рисков, возможностей и т. п. известна, может быть, даже еще с палеолитических времен. В настоящее же время для некоторых профессиональных экспертиз (судебная, медицинская и т. д.) имеются специальные экспертные службы, для деятельности которых создана нормативно-правовая база, отработаны технологии и механизмы реализации экспертных заключений. Да и каждый человек, к которому обращаются за советом, становится почти экспертом для того, кто в этом совете нуждается. Исчерпывающее же объяснение слова *экспертиза* дано в толковых словарях русского языка, например: «Экспертиза — рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для дачи заключения»¹. Так что, если этот «какой-нибудь вопрос» имеет гуманитарную природу, то и гуманитарную экспертизу, казалось бы, можно считать рядоположенной с любой профессиональной, если при этом набор профессий экспертов можно типологически объединить по признаку их близости к соответствующим гуманитарным наукам. Однако это не так. Гуманитарная экспертиза — термин, имеющий самостоя-

тельное значение. Попробуем проиллюстрировать это на историческом материале.

Для этого сравним две крупнейшие исторические акции — Венский конгресс 1814–1815 гг., завершивший наполеоновские войны, и Нюрнбергский процесс 1946–1947 гг., поставивший точку во Второй мировой войне. На Венском конгрессе речь шла исключительно о перекройке политической карты Европы, а точнее, об удовлетворении территориальных притязаний держав-победительниц — и ничего более. Наполеон рассматривался лишь как руководитель страны, проигравшей войну. Обсуждать последствия этой войны для народов Европы, для судеб отдельных людей или судить Наполеона как военного преступника никому и в голову тогда не приходило. Военные преступления против человечества — в то время такие понятия просто отсутствовали. Они появились лишь через полтора столетия, и на Нюрнбергском процессе прочно вошли в лексикон международных отношений. Общечеловеческие ценности, судьбы народов, опасность для человечества — такие понятия, использовавшиеся ранее в философии, социологии и т. п., зазвучали на международном форуме, где обсуждались уже не политические интересы государств, а судьбы людей, живущих на территории этих государств.

Здесь, конечно, есть материал для обобщений на тему исторического развития идей гуманизма, а такие идеи действительно в ходе этого развития стали «овладевать массами». Но для нас здесь важно другое. Озабо-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты №06-06-00170а, №06-03-91312а/У) и Российского фонда фундаментальных исследований (грант №03-06-80250а).

ченность масштабами социально-политических потрясений и военно-промышленных инноваций в XX веке стала для человечества не только этически, но и витально обоснованной. Вся вторая половина XX века сделала эту озабоченность почти панической. Мы не будем здесь рассуждать об угрозе ядерной катастрофы, о негативных экологических последствиях научно-технического прогресса и т. д. — все это хорошо известно. Важно то, что сегодня общецивилизационной необходимостью стали опережающий анализ и прогнозирование рисков и реальных опасностей для человека и человечества, связанных с научно-техническими и социальными инновациями (эти риски и опасности постоянно приумножаются и растут по своему размаху не только в «привычных» условиях научно-технического прогресса и разработок новых социальных технологий, но и на фоне уже сложившихся реалий процессов глобализации). Основой анализа и прогнозирования таких рисков и опасностей должна являться, на наш взгляд, гуманитарная экспертиза.

Сразу заметим, что не для всех крупномасштабных потенциально опасных технологий необходима гуманитарная экспертиза. Так, например, разработка проекта атомной электростанции — дело специально подготовленных профессионалов, а принятие этого проекта — прерогатива соответствующей государственной комиссии. Для этого есть уже отработанные нормативы, по соответствию которым проверяются заложенные в проект эксплуатационно-технические характеристики будущей АЭС, системы постоянного дозиметрического контроля, алгоритмы профилактических и аварийных мероприятий и т. д. Гуманитарная экспертиза на этой стадии не нужна. Но вот строительство реальной АЭС в конкретном регионе — это уже потенциальный объект гуманитарной экспертизы. Здесь необходимо проанализировать соответствующие настроения населения, связанные с памятью о чернобыльской трагедии, социальную, а иногда и социально-политическую обстановку в ре-

гионе. Общеобразовательный уровень населения региона, по-видимому, тоже должен быть предметом анализа. А результаты гуманитарной экспертизы могут соответственно содержать рекомендации по созданию специального консультационно-просветительского пункта (или нескольких пунктов), где любой житель сможет получить исчерпывающую, заведомо объективную и доходчиво изложенную информацию об уровне безопасности этой АЭС, об энергетической целесообразности ее строительства, об атомной энергетике, как таковой и т. д. и т. п.

Из этого примера становится ясно, что гуманитарная экспертиза «направляется» прежде всего там, где отсутствуют формализованные критерии и характеристики, апробированные нормативные акты, алгоритмы и проч. Иными словами, гуманитарная экспертиза опирается не столько на нормы, сколько на ценности и ориентирована не столько на «предметы», сколько на технологии². В этом, пожалуй, одно из основных отличий гуманитарной экспертизы от профессиональных экспертных акций.

Весьма важным является вопрос актуализации результатов гуманитарной экспертизы, причем не ее «мгновенной» действительности, а ее возможностей, ее потенциала и соответствующей ему власти. Как мы уже говорили, один из основных объектов гуманитарной экспертизы — факторы риска. Важно отметить, что *риски* как главные угрозы человеческому существованию пришли на смену традиционным *опасностям* прошлого³. При этом разница между рисками заметная. Традиционные опасности непосредственны, очевидны, а главное — обнаружимы даже неспециалистами и часто предсказуемы⁴. Риски же в большинстве своем невидимы, неощутимы и в основном диагностируются специалистами. Например, неурожай в отдельном регионе любой страны — это «традиционная опасность». В экономически развитом, стабильном государстве эта опасность небольшая, устраняется она усиленными поставками продовольствия в пострадавший регион; в слабом же государстве та-

кому региону грозит голод. Но в обоих случаях и сама опасность, и ее последствия не только непосредственно обнаружимы, но и легко предсказуемы любым здравомыслящим человеком. А вот парниковый эффект в атмосфере Земли — это уже типичный фактор риска. Непосредственно он практически необнаружим: уверенно зарегистрировать потепление климата на Земле на десятки доли градуса в год могут только профессионалы с помощью специальной аппаратуры в ходе многолетних наблюдений. Что же касается глобальных последствий парникового эффекта, то их также могут предсказать только специалисты. Широким слоям населения они могут быть известны либо из СМИ (часто в весьма искаженном виде), либо из научно-популярной литературы (которой интересуется малая доля населения).

Аналогичные иллюстрации различных опасности и риска можно привести и из социальной практики. Например, крупномасштабный пограничный конфликт между соседними государствами — это опасность, а серьезные изменения правил призыва в армию — это риск, который во всей полноте его последствий могут проанализировать также только специалисты — юристы, социологи, психологи, теоретики строительства вооруженных сил.

Таким образом, условие участия в гуманитарной экспертизе компетентных специалистов становится не просто важным, а необходимым. При этом повышение «научности» факторов риска, с одной стороны, соответствует повышению масштабности технологий и соответствующих политических решений, а с другой — требует повышения научной компетентности и гражданской ответственности экспертов. Отсюда с такой же неизбежностью возникает вопрос власти экспертизы. Вопрос этот, можно сказать, эпохален: если в доиндустриальные эпохи легитимность власти обеспечивалась правом избранных по рождению, в индустриальную эпоху — правом избранных по политическому весу и/или богатству, то в нынешнюю постиндустриальную, или информационную,

эпоху легитимность власти может обеспечиваться тоже правом «избранных», но избранных по компетентности, уровню образования, интеллектуальным способностям. Здесь возникает опасность того, что гуманитарная экспертиза может стать недемократичной процедурой или, по крайней мере, выглядеть таковой в глазах общества, для здоровья и благополучия которого такая процедура, собственно говоря, и проводится.

Как мы уже отмечали, гуманитарная экспертиза обязательно должна опережать сегодняшние события, прогнозируя завтрашние, оценивать уровень рисков и их негативных последствий. Эти требования придают ей сугубо современное звучание. Мир и в онтологическом, и в гносеологическом аспекте видится все менее детерминированным. Почти континуальная детерминированность процессов и событий приводит к тому, что традиционные планы с их жесткими таблицами типа «что — кто — когда» теперь уступают место проектам, где в основном присутствует вероятностная экстраполяция сегодняшних планов на завтрашнюю реальность. При этом ветвящееся разнообразие вариантов развития событий приходит в противоречие с необходимостью принимать однозначные решения. Здесь мы имеем дело с той ситуацией, о которой уже говорили, — отсутствие либо неэффективность нормативных или хотя бы апробированных алгоритмов принятия решения. В подобных случаях предваряющая оценка рисков становится не единственно возможной, а просто необходимой процедурой. При этом осуществляется не только опора на профессиональный опыт и интуицию экспертов, а ориентация на аксиологическую шкалу, обязательно содержащую такие ценности, как экологическое равновесие, благополучие человека и общества и т. д. Девиз «как бы чего не вышло» из принципа перестраховщика трансформируется в исходную формулу экспертной оценки. Пожалуй, именно такая экспертиза становится «подлинно» гуманитарной. Мера отчуждения человека от продукта его деятельности при этом оценивает-

ся на стадии реализации этой деятельности. То есть гуманитарная экспертиза может прогнозировать факторы риска, порожденные объективными реалиями нынешней эпохи, такими, как новые научно-технические и социальные технологии, процессы глобализации и т. п. И если деятельность воинствующих «экологистов», антиглобалистов и т. п. сводится в основном лишь к публичным акциям, то гуманитарная экспертиза может обеспечить конструктивную реакцию общества на любые факторы риска.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981.

² См.: Ашмарин И. И., Юдин Б. Г. Человеческий потенциал: основы гуманитарной экспертизы // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И. Т. Фролова. М., 1999. С. 43.

³ См.: Бауман З. Пьер Бурдьё, или диалектика // Социологический журнал. 2002. №3. С. 5-19.

⁴ См.: Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.